

Лекция 5. Литература Киевской Руси

ОРАТОРСКОЕ КРАСНОРЕЧИЕ

В связи с принятием христианства на Руси распространяется жанр поучений. Он служит важным средством пропаганды нового религиозного вероучения. Дидактическая церковная проповедь не имеет художественного значения, она лежит за пределами литературы. Таковы, например, поучения Феодосия Печерского, Луки Жидяты. Наряду с церковным поучением создаются торжественные, эмоционально-образные проповеди с четко выраженной политической направленностью.

«Слово о законе и благодати» Илариона. Выдающееся произведение ораторской прозы XI в.— «Слово о законе и благодати». Оно было написано между 1037—1050 гг. священником княжеской церкви в Берестове Иларионом, обладавшим незаурядным умом, широкой образованностью и писательским талантом. Созданное им произведение было, очевидно, произнесено либо в Десятинной церкви, либо в Софийском соборе и произвело большое впечатление на Ярослава Мудрого. По настоянию великого князя Иларион в 1051 г. стал главой русской церкви — митрополитом Киевским.

«Слово о законе и благодати» проникнуто патриотическим пафосом прославления Руси как равноправной среди всех государств мира. Византийской теории вселенской империи и церкви Иларион противопоставляет идею равноправия всех христианских народов.

Сопоставляя иудаизм (Закон) с христианством (Благодатью), Иларион в начале своего «Слова» доказывает преимущества Благодати перед Законом. Закон был распространен только среди иудейского народа. Благодать — достояние всех народов. Ветхий завет — Закон, данный богом пророку Моисею на горе Синайской, регламентировал жизнь только еврейского народа. Новый завет — христианское вероучение — имеет всемирное значение, и каждый народ обладает полным правом на свободное избрание этой Благодати. Таким образом, Иларион отвергает монопольные права Византии на исключительное владение Благодатью. Он создает, как справедливо отмечает Д. С. Лихачев, собственную патриотическую концепцию всемирной истории, прославляя Русь и ее «просветителя» Владимира.

Иларион возвеличивает подвиг Владимира в принятии и распространении на Руси христианства. Благодаря этому подвигу Русь вошла в семью христианских стран в качестве суверенного государства. В похвале Владимиру Иларион перечисляет заслуги князя перед родиной. Он говорит о том, что его деятельность содействовала славе и могуществу Руси. При этом он подчеркивает, что христианская вера была принята русскими в результате свободного выбора, что основная заслуга в крещении Руси принадлежит Владимиру, а не грекам.

«Слово» Илариона построено по строгому, логически продуманному плану, который сообщается автором в заглавии произведения: *«Слово о законе, Моисеом даннем ему, и о благодати и истине, Исус Христом бывшим, и како закон отиде, благодеть же и истина всю землю исполни, и вера в вся языки простресе и до нашего языка рускаго и похвала кагану нашему Владимиру, от него же крещени быхом, и молитва к богу от веса земля наша».*

Первая часть — сопоставление Закона и Благодати — является пространством введением ко второй, центральной, части — похвале Владимиру, завершающейся авторским обращением к Владимиру с призывом встать из гроба, отряхнуть сон и посмотреть на дела своего сына Георгия (христианское имя Ярослава). Вторая часть ставит своей задачей непосредственное прославление современного Илариону правителя Руси и его деятельности. Третья часть — молитвенное обращение к богу «от всея земли наша».

Он постоянно пользуется цитатами из Библии, библейскими сравнениями, сопоставляя Закон с рабыней Агарью и ее сыном Измаилом, а Благодать — с Саррой и ее сыном Исааком. Эти символические параллели призваны нагляднее показать превосходство Благодати над Законом. В

первой части «Слова» Иларионом последовательно соблюдается принцип антитезы — типичнейший прием ораторского красноречия. Широко использует Иларион книжные метафоры — символы и метафорические сравнения: Закон — это «иссохшее озеро»; язычество — «мрак идольский», «тьма служения бесовского»; Благодать — это «наводнившийся источник» и др. Он нередко употребляет риторические вопросы и восклицания — типичные приемы торжественного красноречия, при помощи которых достигается большая эмоциональность речи. Этой же цели служит и ритмическая организация «Слова».

Особое место в литературе XI—XII вв. занимает **«Поучение» Владимира Мономаха**, внесенное в Лаврентьевскую летопись под 1096 г. По-видимому, это произведение рассматривалось летописцами как предсмертное завещание князя, аналогичное завещанию Ярослава Мудрого (1054). Выдающийся государственный деятель конца XI — начала XII столетия Владимир Всеволодович Мономах (1052—1125) своей политикой содействовал временному прекращению княжеских усобиц.

Центральная идея «Поучения» состоит в призыве, обращенном к детям Мономаха и всем, кто услышит «сию граматицу», строго соблюдать требования феодального правопорядка, руководствоваться ими, а не личными, своекорыстными семейными интересами. «Поучение» выходит за узкие рамки семейного завещания и приобретает большое общественное значение. Характерная особенность «Поучения» — тесное переплетение дидактики с автобиографическими элементами. Наставления Мономаха подкрепляются не только сентенциями из «священного писания», но в первую очередь конкретными примерами из собственной жизни.

На первый план в «Поучении» выдвигаются задачи общегосударственного порядка. Священная обязанность князя — забота о благе своего государства, его единстве, строгое и неукоснительное соблюдение клятв и договоров. Князь должен «пещись о хрестьянских душах», «о худом смерде» и «убогой вдовице». Междоусобные распри подрывают экономическое и политическое могущество государства.

Только мир приводит к процветанию страны. Поэтому в обязанность правителя входит сохранение мира. Другой не менее важной обязанностью князя, по мнению Мономаха, является попечение и забота о благе церкви. Князь должен быть сам примером высокой нравственности. Основным положительным качеством человека является трудолюбие. Труд, в понимании Мономаха,— это прежде всего воинский подвиг, а затем занятие охотой, когда в непрестанной борьбе с опасностями закаляются тело и душа человека.

Владимир выступает ревностным поборником просвещения: «Его же умеючи того не забываете доброго, а его же не умеючи, а тому ся учите», — говорит он и ссылается на своего отца Всеволода, который «дома сядя», т. е. находясь в Киеве, изучил пять языков, «в том бо честь есть от инех земель».

Таким образом, в «Поучении» Мономах охватывает довольно широкий круг жизненных явлений. Он дает четкие ответы на многие социальные и нравственные вопросы своего времени. Вместе с тем «Поучение» является весьма ценным материалом для представления о личности самого автора — первого известного нам мирского писателя Древней Руси.

«Поучение» построено по определенному плану: вступление, обращенное к детям, с характерным для древнерусского писателя самоуничижением — не посмеяться над его писанием, а принять в сердце свое, не браниться.

«Поучение», казалось бы, логически завершено, но Мономах решает подкрепить его описанием своих «трудов». И сначала дает своеобразный дневник военных походов, по манере напоминающий краткие летописные погодные записи, только без дат. Перечисляя свои «пути», Владимир располагает их в хронологической последовательности начиная с 1072 г. по 1117 г. После походов Мономах перечисляет заключенные им мирные договоры, а затем переходит к описанию своих «ловов», обнаруживая страстную душу смелого охотника. И вновь следует заключение. Обращаясь к детям или иным, «кто прочтет», Мономах просит не осуждать его. Он

восхваляет не себя, не свою храбрость, а хвалит Бога, который его «худаго и грешного» столько лет сохранял от смерти и сотворил «не ленива», «худаго», «на вся дела человеческая потребна». Мономах отводит таким образом от себя, как писателя, обвинение в гордости, в самовосхвалении.

ЖИТИЙНАЯ ЛИТЕРАТУРА

«Сказание о Борисе и Глебе». Появление оригинальной агиографической литературы было связано с общей политической борьбой Руси за утверждение своей религиозной самостоятельности, стремлением подчеркнуть, что Русская земля имеет собственных предстателей и ходатаев перед богом. Окружая личность князя ореолом святости, жития содействовали политическому упрочению основ феодального строя. Образцом древнерусского княжеского жития является анонимное «Сказание о Борисе и Глебе», созданное, по-видимому, в конце XI — начале XII в. В основу «Сказания» положен исторический факт убийства Святополком своих младших братьев Бориса и Глеба в 1015 г. Когда в 40-х годах XI в. Ярослав добился канонизации византийской церковью убитых братьев, потребовалось создание специального произведения, которое бы прославило подвиг страстотерпцев и мстителя за их гибель Ярослава. На основе летописной повести в конце XI в. и было написано неизвестным автором «Сказание о Борисе и Глебе».

Автор «Сказания» сохраняет историческую конкретность, подробно излагая все перипетии, связанные со злодейским убийством Бориса и Глеба. Как и летопись, «Сказание» резко осуждает убийцу — «окаянного» Святополка и выступает против братоубийственных раздоров, отстаивая патриотическую идею единства «Русской великой страны».

Историзмом повествования «Сказание» выгодно отличается от византийских мартирий. Оно несет важную политическую идею родового старшинства в системе княжеского наследования. «Сказание» подчинено задаче укрепления феодального правопорядка, прославлению вассальной верности: Борис и Глеб не могут нарушить верности по отношению к старшему брату, который заменяет им отца. Борис отказывается от предложения своих дружинников силой захватить Киев. Глеб, предупрежденный сестрой Предславой о готовящемся убийстве, добровольно идет на смерть. Также прославляется подвиг вассальной верности слуги Бориса — отрока Георгия, который своим телом прикрывает князя.

«Сказание» не следует традиционной композиционной схеме жития, обычно описывавшего всю жизнь подвижника — от его рождения до смерти. Оно излагает лишь один эпизод из жизни своих героев — их злодейское убийство. Борис и Глеб изображаются идеальными христианскими героями-мучениками. Они добровольно принимают «мученический венец». Автор уснащает повествование обильными монологами — плачами героев, их молитвословиями, которые служат средством выражения их благочестивых чувств. В монологе использованы риторические вопросы и восклицания, характерные для церковной ораторской прозы, и в то же время отразилась образность народного плача, что придает ему определенную лирическую тональность, позволяет ярче выразить чувство сыновней скорби.

Здесь автор пытается показать, как в душе героя совмещаются два противоположных чувства: скорбь в связи с предчувствием гибели и радость, которую должен испытывать идеальный герой-мученик в ожидании мученического конца. Живая непосредственность проявления чувств постоянно сталкивается с этикетностью. Борис и Глеб окружаются в «Сказании» ореолом святости. Этой цели служит не только возвеличение и прославление христианских черт их характера, но и широкое использование религиозной фантастики в описании посмертных чудес.

«ХОЖДЕНИЕ» ИГУМЕНА ДАНИИЛА

Уже в XI столетии начинаются путешествия русских людей на христианский Восток, ко «святым местам». Эти путешествия-паломничества (путешественник, побывавший в Палестине, приносил с собой пальмовую ветвь; паломников называли также каликами — от греческого названия обуви — калига, надеваемой путником) содействовали расширению и укреплению международных связей Киевской Руси, способствовали выработке национального самосознания.

Однако светская власть постаралась наложить на паломничество свое вето, когда оно стало приобретать массовый характер, нанося тем самым серьезный ущерб княжеской экономике. Постепенно запрет распространился с мирян на монахов, которым предписывалось «не ногами искать спасения и бога», а неукоснительным исполнением своих обязанностей и обетов у себя дома. Запросы людей, лишенных возможности побывать в Палестине, удовлетворяют описания путешествий хождений.

Так, в начале XII в. возникает **«Хождение игумена Даниила в Святую землю»**. Игумен Даниил совершил паломничество в Палестину в 1106—1108 гг. Таким образом, Даниил придавал своему «Хождению» не только познавательное, но и нравственное, воспитательное значение: его читатели — слушатели должны мысленно проделать то же путешествие и получить ту же пользу для души, что и сам путешественник.

Даниил обнаруживает большую любознательность: его интересует природа, планировка города и характер зданий Иерусалима, оросительная система у Иерихона. Ряд интересных сведений сообщает Даниил о реке Иордане, имеющей с одной стороны берега пологие, а с другой — крутые и во всем напоминающей русскую реку Сновь.

Стремится Даниил передать своим читателям и те чувства, которые испытывает всякий христианин, подходя к Иерусалиму: это чувства «великой радости» и «слез пролития». Большое место в «Хождении» занимают легенды, которые Даниил либо слышал во время своего путешествия, либо вычитал в письменных источниках.

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА

В Киеве интенсивная переводческая деятельность достигает своего расцвета в 30—40-е годы XI в. Отбор произведений, подлежащих переводу, определялся потребностями верхов феодального общества. Задачи упрочения христианской морали, новой религии стояли на первом плане, и это обусловило преобладание церковной переводной литературы над светской. Однако русские переводчики не прошли мимо светской повести, которая по характеру своего идейно-художественного содержания соответствовала духу времени. Древнерусские книжники перевели с греческого языка ряд воинских, исторических и дидактических повестей, способствовавших упрочению того светского идеала, который пропагандировала оригинальная литература. Переводчики не ставили своей целью точную передачу оригинала, а стремились максимально приблизить его к запросам времени и среды. Поэтому переводимые произведения подвергались редакционной правке.

ВОИНСКИЕ ПОВЕСТИ

В XI—XII вв. была переведена на древнерусский язык **«История Иудейской войны»** еврейского историка Иосифа Флавия под названием «Повесть о разорении Иерусалима». Эта повесть охватывала события с 167 г. до н. э. до 72 г. н. э.

ДИДАКТИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ

Средством пропаганды новой христианской морали служили дидактические переводные повести. «Повесть об Акире Премудром» была переведена на русский язык с сирийского оригинала. Древнерусского книжника привлек в повести образ идеального советника царя, мудрого и добродетельного Акира. Деятельность Акира подчинена заботам о благе государства, и в этом отношении она могла служить примером для думцов княжеских в Киеве. Нравоучительная часть повести представляла собой сборник притч, завершающихся афоризмами.